

А. В. КОЛЧАК

**Последняя экспедиция на остров Беннетта,
снаряженная Императорской академией наук
для поисков барона Толля**

...Научные соображения геологического характера обуславливали мнение барона Толля о существовании возвышенных пространств суши, расположенных к северу от Новосибирских островов, а результаты исследований барона Толля на этих островах и арктической Сибири указывали на огромную научную важность геологического изучения этой проблематической земли. Эти исследования и составляли одну из задач снаряженной в 1900 г. Императорской академией наук, по настоянию и заботами барона Э. Толля, Русской полярной экспедиции под начальством барона Толля. После первой зимовки на северо-западных берегах Таймырского полуострова в 1901 г. яхты экспедиции «Заря» производила исследования в этом районе Ледовитого океана до широты 77°32' сев., находясь все время в пограничной области пака, и 29-го августа подошла на вид земли Беннетта на расстояние 14 миль. Попытки в течение двух суток подойти к берегу этой земли не увенчались успехом: непроходимые поля пака не позволили приблизиться нам к мысу Эммы, представляющему юго-западную оконечность земли Беннетта, ближе 12 миль. Произведя еще попытки обследовать район предполагаемой земли Санникова и не получив ни одного положительного указания на ее существование, яхта «Заря» стала на зимовку в Нерпичьей губе острова Котельного. Условия навигации в 1901 г. должно признать благоприятными; к земле Беннетта мы подошли после крепкого юго-юго-восточного шторма, несомненно отодвинувшего пограничную линию пака на север, да и все плавание 1901 г. указывало на редкое положение границы непроходимого льда в рассматриваемом районе. Сознывая очень хорошо условия плавания к северу от Новосибирских островов и полную неопределенность в смысле достигнуть на судне в следующую навигацию земли Беннетта, барон Толль решил предпринять туда независимо от плавания судна

поездку на нартах и байдарках. 23 мая 1902 г. барон Толль совместно с астрономом экспедиции Ф. Г. Зеебергом и двумя якутами-промышленниками на трех нартах с двумя двухместными байдарками, имея при себе запасов на срок не больше двух месяцев, ушел от места зимовки шхуны «Заря» в Нерпичьей губе и отправился к мысу Высокому острова Новая Сибирь, огибая с севера острова Котельный и Фаддеевский.

Для такого опытного арктического исследователя, как барон Толль, были, конечно, ясны все трудности подобного предприятия, включая возможность вынужденной зимовки на совершенно необследованном острове, не имея для пищи и зимней одежды других ресурсов, кроме охоты; конечно, барон Толль ясно представлял себе и физико-географические условия, в которых находится море к северу от Новосибирских островов, и вообще весь риск, оправдываемый только важностью решения научных вопросов, касающихся не только Новосибирских островов, но и всего севера Сибири. Перед уходом с «Зари» барон Толль оставил командиру, лейтенанту Матисену, инструкцию, в которой предложил ему снять в предстоящую навигацию с мыса Высокого Новой Сибири летовавшего там старшего зоолога А. А. Бялыницкого-Бирулю, а затем подойти к земле Беннетта и снять там партию барона Толля. С началом навигации, которое следует отнести к 8-му августа, на «Заре» был предпринят ряд попыток пробраться на север проливом Заря между Котельным и Бельковским островами (произведенные два раза), Благовещенским проливом и, наконец, с восточной стороны Новой Сибири, но условия распределения льдов 1902 г. были совершенно иные, чем в предыдущем году; упорные ветра из северо-западной четверти компаса нагнали массы льда к северным и западным берегам Новосибирских островов, не давшие нам возможности приблизиться к земле Беннетта ближе 90 миль, да и самый подход к мысу Высокому Новой Сибири, ни через Благовещенский пролив, ни с восточной стороны, не имели успеха. По-видимому, граница пака спустилась к северным берегам упомянутых островов, и единственное пространство для навигации находилось к югу и востоку от них. При каждой попытке приблизиться к параллелям северных берегов этих островов мы встречали лед того же характера, что и вблизи Беннетта в плавание прошлого года: это были поля, частью взломанные, старого многолетнего льда огромной мощности, 10–18 футов, с многолетними торосами, плотно сдвинутые и представлявшие совершенно непроходимыми. Я не буду вдаваться в детали плавания и окончания Русской полярной экспедиции на шхуне «Заря» и упоминаю об этом постольку, поскольку это касается предмета настоящего сообщения. Израсходовав последние запасы угля до 15 тонн, дававших возможность нам добраться до устьев реки Лены, шхуна «Заря» 23 августа взяла курс на юг и, выйдя из льда

около острова Столбового, 26-го августа стала на якорь в бухте Тикси (к югу от юго-восточной или Быковской протоки Лены), а 30-го августа в эту бухту пришел пароход «Лена», на котором личный состав экспедиции и научный груз ее материалов отправился в Якутск, куда и прибыл 30-го сентября. В начале декабря командир «Зари» лейтенант Матисен и я приехали в Петербург, и в первом же заседании комиссии при Императорской академии наук по снаряжению Русской полярной экспедиции был поднят вопрос о положении оставшихся на земле Беннетта партии барона Толля и на острове Новая Сибирь партии зоолога Бялыницкого-Бирули. Положение последней не возбуждало серьезных опасений, и возвращение Бирули на материк обычным путем по льду можно было ожидать в декабре месяце. Что же касается до партии барона Толля, то вопрос о ней представлялся следующим образом: партия барона Толля либо вернется в начале сентября на Новую Сибирь, где должна будет встретиться с партией Бялыницкого-Бирули, либо останется зимовать на земле Беннетта и возвратится на Новую Сибирь ранней весной следующего 1903 г., по окончании больших морозов, приблизительно в апреле или мае, а может быть останется на Беннетте и далее на лето для научных работ, так как главные для барона Толля геологические исследования могут быть успешно производимы после таяния снегов в летнее время.

Еще до приезда в Петербург, находясь в бухте Тикси, где нас встретил участник вспомогательной экспедиции К. А. Волосовича инженер М. И. Бруснев, лейтенант Матисен условился с ним об организации экспедиции на остров Новая Сибирь в 1903 г., с устройством летовки на этом острове на случай прибытия барона Толля после зимовки на земле Беннетта. Инженер Бруснев предполагал отправиться на Новую Сибирь возможно ранее, и его предприятие устраняло вопрос о помощи барону Толлю и Бируле в случае каких-либо затруднений, не позволивших им совершить самостоятельно переход с Новой Сибири на материк. Таково было положение вещей, представленное лейтенантом Матисеном упомянутой комиссии при Академии наук в декабре месяце 1902 г. Комиссия эта решила обеспечить положение барона Толля не только в случае возвращения его на Новосибирские острова, где признано было желательным устроить летовки хотя бы якутов-промышленников не на одной Новой Сибири, но и на Фаддеевском и Котельном островах, и кроме того снарядить самостоятельную экспедицию на остров Беннетта. Первоначальный план этой экспедиции состоял в новом вооружении «Зари» и отправке ее вновь в плавание с придачей специальной шлюпочной и санной партии, долженствующей в случае условий навигации, аналогичных 1902 г., оставить судно в месте, дальше которого лед пройти не позволит. Подобное предпри-

ятие не было невыполнимо, несмотря на огромные затруднения, связанные с подготовительными работами, главным образом состоящие в снабжении судна углем, и плохим состоянием корпуса «Зари», в последнем плавании имевшем огромную течь. Все эти обстоятельства, ставившие подобное предприятие в очень рискованное положение не довести его до конца, затратив большие материальные средства, привели в начале января 1903 г. к решению снарядить и послать на землю Беннетта санную и шлюпочную партию, которая бы по льду дошла на Новую Сибирь и, базируясь на мысе Высокий этого острова, со вскрытием льда отправилась на землю Беннетта в том случае, если бы барон Толль не явился к этому времени на Новосибирские острова. 9-го января 1903 г. я получил официальное предложение, переданное мне секретарем Русской полярной экспедиции В. Л. Бианки¹, о принятии на себя организации и командования шлюпочной экспедицией². Относительно команды для шлюпки я получил согласие идти со мной от двух своих соплавателей на «Заре»: боцмана Бегичева и старшего рулевого Железникова. По совету академика Ф. Н. Чернышева, принимавшего большое участие во вверенном мне предприятии, главным инициатором которого Ф. Н. и был, я решил съездить в Мезень и нанять там поморов-тюленепромышленников, по возможности из участников экспедиции Ф. Н. Чернышева на Шпицберген. 16-го января я получил первые суммы, ассигнованные на мою экспедицию и, дав необходимые заказы шерстяных вещей, консервов и оружия для шлюпочной партии, 19-го января выехал в Мезень, откуда съездил в Долгощелье, поселок на берегу Мезенского залива, являющийся отходным пунктом промышленников, отправляющихся на тюлений промысел. В Мезени я нанял 6 человек бывших участников Шпицбергенской экспедиции, из которых четверо остались со мной до конца моего предприятия. Возвратясь из Мезени в Архангельск, я получил телеграмму о благополучном приходе партии А. А. Бялыницкого-Бирули с Новой Сибири с известием, что барон Толль до ухода этой партии не являлся с севера. Это известие имело для меня первостепенное значение, так как им, в сущности, определялась необходимость моего предприятия, давая основание думать, что партия барона Толля добровольно или по необходимости зазимовала на земле Беннетта.

Относительно вопроса о шлюпке я решил остановиться на одном из китобойных вельботов шхуны «Заря», оставленной в бухте Тикси в расстоянии около 1000 верст от Новосибирских островов, но, опасаясь, что лично сам я не успею за ним съездить, я снесся телеграммами с Якутском и предложил консерватору Якутского музея П. В. Оленину взять на себя задачу постараться доставить вельбот к мысу Святой Нос до моего приезда, а также озаботиться наймом каюров и покупкой

нарт, собак и рыбы для корма их в селе Казачьем на Яне; последнее меня особенно озабочивало, так как я, будучи еще в Петербурге и зная об экспедиции М. И. Бруснева, ожидал встретить большие затруднения при снаряжении моей экспедиции в Устьянском улусе, особенно ввиду известий о голоде в этом месте, связанном с неуловом рыбы.

4-го февраля я возвратился в Петербург, а 9-го февраля, окончив самые необходимые заказы по снаряжению и отправив людей, выехал в Иркутск. К 8-му марта моя партия прибыла в Якутск. Я не стану вдаваться в описание пути от Иркутска до Якутска и скажу лишь несколько слов о дороге из Якутска через Верхоянск в Казачье близ устья реки Яны, которой следовала моя экспедиция. Дорога из Якутска в Верхоянск пролегает теперь несколько в стороне от классического пути через Верхоянский перевал на истоки Сартана (как называется у якутов Яна в своем верхнем течении, по-видимому, до слияния ее с Дулгулахом), пути, по которому проходили и возвращались почти все предшествующие экспедиции в этот край, начиная с экспедиции Биллингса и Сарычева и кончая последними экспедициями Волосовича и Герца. Путь, которым мне пришлось проехать, лежал западнее, через Алдан на приток его Неру и на перевал через Верхоянский хребт около истоков Дулгулаха, затем вверх по этой реке, через водораздел между Дулгулахом и Сартаном на этот последний, а затем по Сартану до Верхоянска. От Верхоянска путь лежит в стороне от левого берега Яны, постепенно удаляясь от нее, через перевал на хребте Куллар, представляющий северный отрог Орулгана, на верховья Омолоя. Здесь уже путь приближается к границе лесной растительности и выходит на тундренные пространства до селения Казачьего на Яне, являющегося последним пунктом, имеющим некоторую связь с цивилизованным миром. От Казачьего путешествие принимает характер арктической экспедиции, и этот довольно жалкий поселок является в таком случае экспедиционной базой. К 10-му апреля туда прибыл весь состав и все грузы моей экспедиции. Получив 12-го апреля извещения от моего помощника П. В. Оленина и боцмана Бегичева о больших затруднениях по доставке тяжелого вельбота, я немедленно отправился в бухту Тикси на «Зарю» с одним каюром на своей лучшей собачьей нарте. Я пересек тундру и, выйдя к берегу моря у залива Борхая, вблизи устья Омолоя, перешел по льду упомянутый залив и 15-го апреля приехал в бухту Тикси на шхуну «Заря». Узнав от лейтенанта Матисена, что вельбот уже ушел на оленях в Казачье, я немедленно вернулся обратно в это селение, куда благодаря энергии и распорядительности боцмана Бегичева уже был доставлен вельбот.

Надо было торопиться уходить на Новосибирские острова; хотя морозы по ночам и доходили до -20°C , но днем уже стали появляться

признаки приближающегося таяния снега. Благодаря распорядительности Оленина и других моих помощников, несмотря на крайние затруднения, удалось достать 161 собаку; часть их была куплена и пришла с Индигирки, другая была собрана по окрестностям Казачьего. Недостаток рыбы в Казачьем и необходимость скорее поправить часть исхудавших за зиму и почти негодных для пути собак заставили меня, не стесняясь средствами, кормить их оленьим мясом, причем у меня выходило 5 ½ оленей в день. Этот недостаток рыбы для прокорма являлся самым серьезным обстоятельством для предстоящего перехода, так как я предвидел, что имеемого запаса не хватит для перехода морем, да если бы мы им и располагали, то я вряд ли был бы в состоянии взять достаточный запас рыбы с собой.

В первых числах мая мы все собрались на Аджергайдахе, представляющем последний наш отходный пункт на материке, и 5 мая весь состав экспедиции из 17-ти человек, в том числе 8-ми каюров якутов и тунгусов, с 10-ю нартами по 13-ти собак и вельботом, поставленном на две нарты, запряженные 30-ю собаками, направился через Абельяхскую губу к мысу Святой Нос. Тяжелые нарты, а особенно вельбот, ограниченный корм для собак и сравнительно теплое время, заставлявшее нас находиться в пути только в ночные часы, когда становилось холоднее, обусловили невозможность делать переходы, большие 6-ти часов в сутки — собаки отказывались идти больше, несмотря на то, что мы все шли в ляжках. Торос, местами очень серьезный для обыкновенных нарт, заставлял нас постоянно останавливаться, рубить дорогу для вельбота и общими силами перетаскивать 36-пудовую шлюпку через хаотически нагроможденные холмы ледяных глыб и обломков. Добравшись до Малого Ляховского острова, я нашел возможным отправить 2 нарты с 24-мя собаками и 4-мя инородцами назад на материк, желая уменьшить насколько возможно число людей для летовки на Новосибирских островах. Корм для собак кончился еще на Большом Ляховском острове, и мы подвигались вперед исключительно благодаря охоте на диких оленей, переходящих в это время с материка на Новосибирские острова. При таких условиях идти на Фаддеевский остров с Большого Ляховского морем, как я предполагал, не представлялось возможным, хотя бы и с расчетом на помощь партии инженера Бруснева от Фаддеевского острова до мыса Высокого Новой Сибири, и пришлось выбрать кратчайший путь морем через Малый Ляховский остров на южный берег острова Котельного, куда мы добрались 23-го мая после очень тяжелого перехода по торосам. Мы остановились в поварне, называемой Михайлов стан, построенной экспедицией Волосовича неподалеку от мыса Медвежьего, и немедленно принялись за организацию летовки на Котельном острове. После совета

с каюрами я решил освободиться от части собак, которых мы не в состоянии были прокормить до обратного зимнего пути; я оставил 80 лучших собак, а остальных 49 убил при помощи стрихнина; разделил каюров на 2 партии, из которых одна должна была летовать на северо-западном берегу Котельного, а другая с моим помощником П. В. Олениным отправилась на летовку на юго-восточный берег в район низовьев рек Глубокой и Балыктаха, имея задачей обследование этой части острова и прилегающей к ней земли Бунге. Сам же я с 6-ю людьми из состава вельботной команды остался на Михайловом стане...

Трудно представить себе что-либо более однообразное и унылое, чем эта небольшая полярная Сахара, которой барон Толль дал наименование земли Бунге, в честь исследователя этого пространства между Фаддеевским и Котельным островом. Мне пришлось близко познакомиться с этой местностью еще в 1900 г., когда я пересек ее на нарте от устья реки Балыктаха к южной части Фаддеевского острова. Земля Бунге представляет низменное песчаное пространство, в которое постепенно переходит холмистая тундра острова Котельного к востоку от невысокой гряды гор Шмидта; эта песчаная равнина тянется до глинисто-ледяных берегов Фаддеевского острова, прилегая, по-видимому, вплотную к ним с северо-западной стороны последнего острова и отделяясь от него мелководным заливом, вдающимся вдоль южного и юго-западного берега. Юго-восточная часть земли Бунге постепенно переходит в невысокую пересеченную тундру, носящую у промышленников название «Корги». Берега земли Бунге совершенно незаметно переходят в прибрежную отмель, и при колебаниях уровня воды, даже при небольших приливах, обнажаются и заливаются на большое пространство. Зимой во многих местах только раскапывая снег можно убедиться, что находишься на земле, а не на льду. Даже плавник не дает указание на точное положение береговой линии, так как он раскинут на площади шириной около мили, и его черные стволы и коряги, кое-где торчащие из-под песка и снега, одни нарушают однообразие этой ровной песчаной или снежной равнины. Удаленность очень старого, часто наполовину сгнившего плавника от современного уровня моря, по-видимому, также дает одно из многих указаний на существование отрицательного движения морского уровня или поднятие берега.

Обогнув гостеприимную Коргу, оставившую нам хорошие воспоминания об удобной высадке и массе хорошего сухого плавника, мы уже не пробовали высаживаться на берег и останавливались только на торосах; около суток нам пришлось высидеть среди хаотически нагроможденных глыб льда, благодаря шторму с густым снегом, ничего не видя кругом себя и слыша только грохот напирającego льда, от напора которого наш торос выказывал время от времени желание

развалиться, давая трещины и движения в своих ледяных массивах. После окончания шторма мы двинулись дальше и, наконец, добрались до обрывистых ледяных берегов Фаддеевского острова. Остров этот, так сказать, в схематическом виде представляет собой глыбу льда, прикрытую сравнительно тонким слоем наносов. Весь юго-восточный берег острова имеет вид ледяной стены, кое-где замаскированной обвалами этих наносов. Эта мощная масса льда, прорезанная повсюду трещинами, заполненными рыхлыми отложениями, более или менее глубокими оврагами и руслами тундряных ручьев и речек, с характерными конусами байджарахов на обрывах и крутых склонах, с неопределенной мощностью в обнажениях, достигающих 70–80 футов, весьма типична для всех Новосибирских островов и, быть может, для многих частей противоположного сибирского побережья и встречается повсюду, где только ни выступают на поверхность твердые породы...

Наше плавание вдоль берегов Фаддеевского острова продолжалось при той же снежной погоде, придавшей совершенно зимний вид берегам и тундре этого острова. Высадки наши на берега были еще затруднительнее, чем на земле Бунге: шлюпка садилась на мель чуть не в 1½ – 2 кабельтовых от берега, и, чтобы выбраться на него, приходилось совершать путешествие по вязкому илу, под которым часто встречалось ледяное дно. Эти путешествия всегда кончались невольными купаниями, а отсутствие запасов одежды ставило нас в крайне неприятное положение все время находиться в сыром платье, что при температурах около 0° было временами очень тягостно. Хорошо, что мы повсюду находили плавник и имели возможность время от времени разводять огонь. 26-го мы встретились на берегу Фаддеевского острова неподалеку от мыса Песцового с партией боцманмата Толстова, летовавшего там с 4-мя промышленниками-якутами. Они обошли северные берега Котельного, земли Бунге и Фаддеевского острова, но нигде не встретили никаких следов, указывающих на возвращение кого-либо из партии барона Толля с севера. Отдохнув на месте встречи два дня, мы продолжали свое плавание. 28-го июля мы добрались до мыса Благовещенского, с высоты которого через самую узкую часть пролива хорошо был виден мыс Высокий Новой Сибири и открывался вид на море и пролив, покрытый разбитым льдом.

Благовещенский пролив, отделяющий Новую Сибирь от Фаддеевского острова, представляет некоторые особенности, о которых я скажу несколько слов. Прежде всего бросается в глаза необыкновенная отменность его берегов, особенно со стороны Фаддеевского острова. В самой узкой части пролива, ширина которой около 15 миль, отмели с глубинами менее 2-х сажен тянутся мили на 2, далее глубины постепенно возрастают до 5-ти сажен в расстоянии миль восьми от Фаддеевского

острова, затем быстро увеличиваются до 12–14-ти сажен и милья в 3-х от мыса Высокого начинают постепенно убывать. Тот же характер сохраняется, по-видимому, и в южной части пролива, хотя там он значительно мелководнее. Узкий, с глубинами до 15-ти сажен в северной и 5–6-ти сажен в южной части, фарватер, по-видимому, довольно извилистый, имеет ширину не более 1–2-х миль; по сторонам его глубины быстро падают до 5-ти сажен, а далее тянутся огромные пространства малых трех-двухсаженных глубин, покрытых густым илистым грунтом. Грунт в фарватере более плотный, равно как и к берегам Новой Сибири. Фарватер этот вообще имеет вид глубокой промоины в рыхлых отложениях и, быть может, в ледяной массе, образующей верхние горизонты пород, из которых сложен Фаддеевский остров и часть Новой Сибири. Отмелье банки по обе стороны глубокого фарватера усеяны мощными обломками многолетних полей и торосов, служащих основанием гигантских нагромождений местного льда во время его осеннего и летнего движения. Огромные стоячие торосы или стамухи до 60-ти футов высотой образуются на этих банках, особенно во время летнего взламывания ледяного покрова, и некоторые из них остаются, быть может, на много лет на одном месте, частью обтаивая, размываясь и разрушаясь в летнее время и увеличиваясь вновь во время осеннего напора льда, образуя в конце концов плотную компактную массу льда с вертикальными размерами от 80–100 футов, об образовании которой можно судить только по ясно видимой структуре льда в свежих обрывах и изломах. При подходе к Благовещенскому мысу с юга обращает внимание все более и более возрастающая мощность обломков льда, стоящих на мели на 5-ти саженях глубины, а иногда и более. Большинство их благодаря процессам размывания получают характерную, сначала столообразную, а затем и грибообразную форму с выступающими на несколько футов подмытыми краями, часто обрамленными бахромой ледяных сосуллек. Эти льдины являются типичными представителями арктического пака, из близлежащей области которого они заносятся ветрами и течениями. Течения в Благовещенском проливе, несомненно, обуславливаются приливной волной, как мне кажется, идущей с востока и входящей в Благовещенский пролив с юга и севера; этим обстоятельством обуславливается необыкновенная неправильность прилива и отлива, а воронкообразная форма пролива с северной и южной стороны, разделенная узкостью посередине, служит причиной больших колебаний уровня, не говоря уже о влиянии на этот фактор ветра; в результате являются стремительные и неправильные течения в проливе, особенно в узкой его части между мысами Благовещенским и Высоким. Массы льда местного образования носятся этими течениями взад и вперед по проливу, дробясь о стоящие на отмелях ледяные скалы, образуя

на них торосы, а иногда снимая их при переменах уровня своим напором с отмели, и эта хаотическая масса разбитого льда в своем движении напоминает грандиозный ледоход на реке. Нам пришлось два раза перебираться через Благовещенский пролив, и мы провели около 3-х суток на этом 25-верстном пространстве в самой тяжелой серьезной работе, осложняемой туманом и снегом, то вытаскивая вельбот на стоячие льдины, чтобы избежать напора и не быть увлеченными стремительно несущимися массами льда, то снова спуская его на воду. Эта работа оставила у нас впечатление наиболее трудной части нашего плавания на Беннетт.

На Новой Сибири мы встретились с летовавшим там М. И. Брусневым, и пополнив свои запасы охотой на оленей, а частью из склада, 2-го августа вечером простились с Брусневым, который жил совершенно один, за уходом своих людей внутрь острова на охоту, уложили вельбот и вышли в море. Двое суток шли мы почти непрерывно то греблей, то под парусами, встречая в открытом море редкие мощные льдины, дававшие нам временное пристанище для отдыха и еды. Однако подобных льдин было так мало, что часто нам приходилось устраиваться крайне неудобно на небольших сравнительно обломках. В последнюю ночь перед приходом на Беннетт одна такая льдина треснула под нами, и мы едва не потеряли своего вельбота. Наконец, на вторые сутки на прояснившемся туманном горизонте вырисовались черные, отвесно спускающиеся в море скалы острова Беннетта, испещренные полосами и пятнами снеговых залежей; постепенно поднимающийся туман открыл нам весь южный берег острова с двумя, как казалось, ледниками, спускающимися со сплошных фирновых полей, покрывающих верхние части земли, в море. Под берегом плавала масса мощных льдин, возвышавшихся над водой до 20–25-ти футов; множество кайр и чистиков со стайками плавунчиков лежали кругом, с необыкновенным равнодушием к вельботу подплывая к нему на несколько шагов; кое-где на льдинах чернели лежащие тюлени. Ветер стих, мы убрали паруса и на веслах стали пробираться между льдинами. Без особых затруднений мы подошли под самые отвесно поднимающиеся на несколько сот футов скалы, у основания которых на глубине 8–9-ти сажен через необыкновенно прозрачную воду виделось дно, усыпанное крупными обломками и валунами. Неподалеку мы нашли в устье долины со склонами, покрытыми россыпями, узкое песчаное побережье, где высадились, разгрузили и вытащили на берег вельбот...

Перейду теперь к изложению результатов наших поисков партии барона Толля, который после трехнедельного пути по плавучему льду и плаванию на байдарках 21-го июля 1902 г. высадился со своими тремя спутниками около мыса Эммы. Наши поиски с первых же шагов

убедили нас в посещении партией барона Толля острова Беннетта. Близ мыса Эммы мы нашли, как было условлено, керн, около которого лежала бутылка с документами и планом острова, по которому мы легко разыскали поварню, построенную близ устья речки за полуостровом Чернышева на берегу бухты Павла Кеппена. Под грудой обледенелых и занесенных снегом камней, сложенных внутри поварни, мы нашли оставленные инструменты: круг Пистора, инclinатор, искусственный горизонт, фотографический аппарат и прочее. Там же находился документ, писанный рукой барона Толля, содержащий краткие сведения об исследовании острова Беннетта и оканчивающийся словами: «Отправляемся сегодня на юг, провизии имеем на 14–20 дней. Все здоровы». С датой 26 октября (8 ноября) 1902 г. Итак, барон Толль находился на острове с 21-го июля по 26-е октября 1902 г. Прежде всего является вопрос, почему барон Толль ушел с острова в такое время, когда переход на Новосибирские острова является делом в высшей степени затруднительным? В это время уже солнца нет и только около 2–3 часов около полудня в ясные дни наступают сумерки от зари, появляющейся на юге. Остальное время стоит темнота. О состоянии льда и пути между островом Беннетта и Новосибирскими островами я говорил уже выше; следует только иметь в виду, что морозы в это время уже могут доходить до -40°C , причем открывающиеся полыньи и трещины, окутанные густыми испарениями, немедленно покрываются более или менее толстым слоем ледяных кристаллов, придающих поверхности воды консистенцию ледяной каши, движение в которой крайне затруднительно не только для байдарки, но даже и для большой шлюпки, даже невозможно благодаря быстрому обмерзанию корпуса шлюпки и весел. В течение октября и ноября постоянно бывают более или менее жестокие пурги или снежные штормы, и такая пурга в темноте на движущемся льду является очень серьезным делом. Если прибавить к этому крайне ограниченный запас провизии, топлива и самодельное, приготовленное на острове Беннетта зимнее платье и обувь, то представить себе трагический исход для партии в 4 человека, попавшей в подобную обстановку, нетрудно. Гораздо сложнее представляется вопрос о причинах, заставивших барона Толля уйти с Беннетта при таких обстоятельствах. Барон Толль имел в виду зимовку на Беннетте даже и в том случае, если «Заря» войдет с ним в сношение, но научные интересы этого потребуют. Я полагаю, без преувеличения могу сказать, что мотивом для оставления острова Беннетта в конце октября могло быть только сознание полной невозможности перезимовать на нем и дожидаться хотя бы светлого времени в конце февраля или марте. Невозможность же зимовки обуславливалась главным образом недостатком пищи, так как жилищем и топливом, по-видимому, партия

была обеспечена. Можно зимовать и по-эскимосски в снежном доме и обходиться минимальным количеством топлива, лишь бы располагать достаточным количеством пищи. Не буду вдаваться в детали, но думаю, что не ошибаюсь, если скажу, что по какому-то недоразумению партией барона Толля не было использовано удобное для охоты время и не было сделано никаких запасов. Достаточно сказать, что я нашел на острове Беннетта три медвежьих шкуры — мяса трех медведей хватило бы партии на большую часть зимовки; что же касается до птиц, на которых рассчитывал барон Толль еще до своего отправления, то количество их совершенно оправдывает этот расчет, и тем более непонятным является присутствие в поварне брошенных снаряженных тридцати дробовых патронов. На переход в конце октября они, конечно, были не нужны, но это показывает, что охотой на птиц в смысле заготовки запаса не занимались. Думается, что присутствие оленей на острове Беннетта в связи с надеждой на приход «Зари» послужило причиной этой кажущейся непредусмотрительности; запасов в течение августа не готовили, и мясо убитых на льду медведей не перенесли на берег, а взяли только шкуры, все в расчете на осеннюю оленью охоту, а потом, когда выяснилось, что на маленьком острове только и было стадо в 30 голов, которое всегда могло уйти от преследования на движущийся лед и исчезнуть в море, готовить запасы было уже поздно: птицы улетели, медведей, когда надо было, по обыкновению, не удалось встретить, и в результате в октябре с наступлением зимней ночи, когда всякий промысел кончается, оставалось либо рисковать умереть от голода и цинги на зимовке, либо идти с оставшимся ограниченным запасом на крайне рискованное предприятие — переход морем на Новосибирские острова при описанных условиях.

Выяснив, что партия барона Толля ушла с Беннетта за 9 месяцев до моего прихода, я решил оставить остров и идти на юг при первом попутном ветре, более же детальным обследованием острова заняться только в случае неблагоприятной погоды; 7-го августа, взяв с собой небольшую часть геологических коллекций барона Толля, брошенных им при уходе, при легком северном ветре, отодвинувшем от берега лед, мы отвалили от острова Беннетта и пошли на юг. 9-го августа утром мы вышли к мысу Вознесения Новой Сибири. Состояние моря сильно изменилось в эти дни; приближаясь к Новосибирским островам, мы встретили много льда, а в день нашего прихода на Новую Сибирь имели крепкую погоду с большим волнением в море, снегом и дождем. Отдохнув у М. И. Бруснева, мы двое суток перебирались через Благовещенский пролив. С половины августа уже начались морозы, особенно по ночам. Свежие погоды со снегом, крупной волной и массы льда сопровождали наше обратное плавание до 27-го августа, когда

мы высадились у своей поварни на Михайловом стане после сорокадневного отсутствия. Скоро вернулись и летовавшие партии, проведя благополучно свои летовки на Котельном и прокормив охотой всех собак. Около 10-го сентября настала уже настоящая зима: речки стали, улетели почти все птицы, и с севера стали показываться стада оленей. Сентябрь и октябрь месяцы прошли в постоянной охоте на оленей, и было сделано несколько санных поездок внутрь острова, на реку Бальктах и в Нерпичью губу. 16-го и 17-го ноября, когда море окончательно стало, я оставил остров Котельный, выйдя двумя партиями, и к 7-му декабря весь состав моей экспедиции, а также и инженера Бруснева прибыл в Казачье на Яне.

М. И. Брусневу удалось в сентябре месяце обойти кругом весь берег Новой Сибири — работа, повторенная впервые через 80 лет после экспедиции лейтенанта Анжу. Таким образом, все берега Котельного, земли Бунге, Фаддеевского острова и Новой Сибири были обследованы, и был посещен остров Беннетта. Остался необойденным только узкий полуостров, вытягивающийся на северо-запад от Фаддеевского острова и носящий название полуострова, или стрелки, Анжу. Нигде не было найдено никаких следов, указывающих на возвращение кого-либо из партии барона Толля с острова Беннетта на Новосибирские острова. Три года уже прошло с того времени, как барон Толль оставил остров Беннетта, и факт его гибели со всей партией уже не подлежит сомнению, внеся еще одно прибавление к длинной записи смелых людей, положивших свою жизнь в борьбе во имя научных исследований с природой арктической области.

*1905 г., 12 ноября.
Санкт-Петербург*

